

Салават Вахитов

*Любовь
24 часа*

Салават Вахитов

Любовь 24 часа

«Издательские решения»

Вахитов С.

Любовь 24 часа / С. Вахитов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835168-6

Книга включает в себя пять историй о современных людях, по воле судьбы оказавшихся в нестандартных ситуациях. Для того, чтобы выжить в яростном мире, героям предстоит принять непростые решения. И тогда всё определяет любовь.

ISBN 978-5-44-835168-6

© Вахитов С.
© Издательские решения

Содержание

Комаровские яблоки	6
Любовь 24 часа	13
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Любовь 24 часа

Салават Вахитов

© Салават Вахитов, 2016

ISBN 978-5-4483-5168-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Комаровские яблоки

Профессоров в наше время развелось как собак. Куда ни плюнь – норовишь попасть в профессора. Недавно к нам в редакцию пришел один такой. Бил себя кулаком в грудь и кричал: «Я – профессор Ширяев!» – Нет, это впечатления такие остались, будто он бил себя в грудь, а на самом деле он никуда не бил, но представился несколько истерично – с надменным достоинством и презрительно, словно Зевс, посверкивая глазами-молниями. (Хотя, между нами, какой из него Зевс? Скорее, он был похож на Мефистофеля из гетевского «Фауста».) Возможно, что он известная в нашем городе личность, однако я, к стыду своему, ничего о нем не слышал. Был он не слишком трезв, выглядел лет под восемьдесят... Правда, потом выяснилось, что ему всего-то шестьдесят пять! Протянул визитку и искусственно улыбнулся, обнажив при этом ровный, безжизненный ряд керамики.

Все меня удивляло в профессоре Ширяеве. Даже его визитка. Скажу честно: я не любитель визиток. Когда мне их суют при знакомстве, я, конечно, беру, хотя и немедленно теряю или выбрасываю. (Что ж скрывать? Так многие делают.) Но обычно на одну деталь всегда обращаю внимание. Она показательна: чем больше информации о человеке представлено на кусочке бумаги, тем меньше он интересен как личность. Наверное, вам часто попадались такие визитки, где указывались учреждения, к которым человек имеет отношение; его должности, а также длинный список званий и наград. Увидели такое – даже не сомневайтесь: все это обычные серые люди. Те, кто знает себе цену, поступают по-другому. Вот я, например, раньше писал только *фио* и контакты, а теперь и вовсе отказался от визиток: не хочу, чтобы мое имя по воле какого-либо уroda валялось в мусорной корзине.

Визитка посетителя привлекла мое внимание тем, что в ней тоже были только две краткие записи: «профессор Ширяев» и «сексолог». И все. Никаких контактных данных – типа, тот, кому нужен хороший сексолог, и сам найдет к нему дорогу.

Одет он был тоже необычно. Начну описывать снизу – как я его начал рассматривать. На ногах красовались длинные, до колен, кожаные сапоги – обтягивающие, вроде женских. Не помню, были ли на нем брюки. Сейчас я думаю: а если были, то куда же он заправлял брючины, ведь узкие сапоги не позволяли этого? Носил он стильное кашемировое пальто – вот почему я и не заметил наличия штанов, – а на бритом черепе плотно сидела модная, я бы даже сказал – кокетливая, кепка. Такое я видел лишь раз, лет двадцать – двадцать пять тому назад на художнике Михаиле Шемякине.

Но больше всего меня заинтересовали его зубы. Когда он говорил, я даже привставал на носки, чтобы заглянуть ему в рот: зубы были ровные, один к одному, и поэтому вызывали некий эстетический дискомфорт. Я понял в чем дело: по-настоящему красивые природные зубы никогда не бывают одинаковыми, в них нет совершенства, они обязательно отличаются друг от друга шириной, высотой, направлением роста – да чем угодно! Поэтому ровные, аккуратные ряды зубов-близнецов выглядят безжизненно и уродливо.

Работая в журнале, я давно привык к творческим людям разной степени сумасшествия, но напомним, что у Ширяева на визитке было указано загадочное «сексолог» и оно выбивало посетителя из ряда обычных авторов. Да-да, на самом деле профессоров много, но профессора, помешанного на сексе, не каждый день встретишь. Поэтому любопытство взяло верх, и я пригласил гостя в кабинет.

Вальяжно развалившись на стуле, Ширяев взалхлеб рассказывал об известных в нашем городе людях, которых он пользовал, и, совершенно не заботясь о врачебной этике, раскрывал мне, журналисту, пикантные подробности их болезней. Отпускал циничные шутки, а в заключение в сладких ностальгических нотках поведал о том, что лучшие в мире любовницы, конечно же, вьетнамки. «Почему?» – спросил я, бестактно прервав бесконечный «чеховский»

монолог. Он пожал плечами, мол, это и так понятно: «Да потому что любят по-настоящему! Потому что их гибкие смуглые тела обвивают тебя крепко и нежно, как лианы в джунглях».

– Я могу вылечить вас бесплатно, – вдруг заявил он. – С богатых беру много, а с вас ничего не возьму.

Его предложение меня озадачило.

– Спасибо, – отвечаю ошарашенно. – То, что я небогат, конечно, заметно, но с чего вы взяли, что я нуждаюсь в лечении?

– Пожалуйста, – говорит он ласково. – Но я-то вижу, что у вас проблемы с сексом, меня не обманешь.

Это меня разозлило. Да как он смеет! Мои мужские потенции до сих пор не вызывали сомнения.

– С чего вы взяли, что у меня какие-то проблемы?

Он улыбнулся:

– Да по зубам видно. Я как раз хотел предложить для публикации психологический этюд. Профессор достал из папки листок с рисунками.

– Это этюд? – удивился я.

– Да, этюд – история моей пациентки.

На одном из рисунков были изображены передние зубы, выписанные с помощью букв, составлявших слова «кариес» и «воспаление». Между нами, зубы эти могли принадлежать как пациентке, так и пациенту, поскольку какие-либо гендерные различия отсутствовали. Два ряда зубов были обведены тонкими линиями губ, стремящимися вниз и символизирующими боль, тоску и безнадежную грусть. На другом рисунке те же зубы вырисовывались словами «сексуальное здоровье», и краешки губ были приподняты в улыбке. Почему-то рисунки не произвели на меня должного впечатления, более того – мне стало неприятно. В последнее время меня действительно мучили зубные боли, но пойти к зубному все как-то не решался в надежде, что само пройдет, да и с деньгами тоже были напряги: лечение в наши дни не дешево. «Вероятно, – подумал я, – от глаз профессора не укрылось, как я рукой придерживаю щеку».

Когда мне напоминают о зубной боли, меня всегда передергивает. Зубная боль приходит внезапно и потом долго не отпускает, она твой враг. А кого мы называем врагом? Того, кто наносит оскорбление, обиду, покушается на твою собственность, того, кто презирает тебя, унижает твоё достоинство, кто желает тебе смерти. Короче говоря, враг – это тот, кто приносит нам боль и страдание.

У меня было много врагов, теперь они все умерли.

Помню, первым моим личным врагом стала врачиха из стоматологической клиники. Было мне тогда три или четыре года. В садик по какой-то причине я не ходил, и со мной нянчилась бабушка. Однажды ей понадобилось удалить зуб. Поскольку оставить меня было не с кем – родителям не удалось отпроситься с работы, – мы отправились на процедуру вместе.

В поликлинике мне сразу не понравилось: врачебный кабинет был выкрашен белым, на окнах – белые занавески, и сама врачиха была в белом халате. К тому же бабушку усадили на высокое кресло и укрыли до подбородка белой простыней. Непривычная обстановка меня насторожила, смутила разум и покорила неокрепшую душу: так не бывает, чтобы кругом только один белый цвет. Разве никто не замечает, что это, по меньшей мере, странно?

Врачиха взяла со стола какие-то блестящие железки и полезла ими в бабушкин рот. Я привстал со скамейки и даже вытянулся, дабы рассмотреть, что происходит. В этот самый момент бабушка застонала, и на краешках ее губ показалась кровь... Кровь! И она неожиданно хлынула, полилась на белое полотно покрывала. И тогда я заорал что есть мочи. Бабушку надо было немедленно спасать. А что я мог сделать? Врачиха-то – значительно больше и сильнее! Я мог только орать, и плакать, и обнимать бабушку в надежде, что мой призыв к спасению кто-то услышит и придет на помощь.

Скандал разгорелся нешуточный. Не помню, как меня вытащили в коридор и успокоили, но врачаха запечатлелась в моем детском мозгу, как рублевская фреска, на всю жизнь. – Я ведь даже не предполагал, какая она злая, мерзкая и противная! Коварная, она не была похожа на Бабу-Ягу или гадкую колдунью! Она выглядела как обычная, неприметная женщина и даже пыталась улыбаться мне и говорить ласковые слова. Но она стала моим первым врагом, и я навсегда уяснил для себя, что внешность может быть обманчива и проявление высшей степени дружелюбия порой следует воспринимать как сигнал опасности и злого умысла.

Она давно уже умерла, мой первый враг. Потом, в более зрелом возрасте, время от времени появлялись у меня враги и посерьезнее. Но я прожил достаточно долгую жизнь и имел возможность наблюдать, как они потихоньку уходили друг за другом в иной мир, а я, словно мудрый индейский вождь, сидел на берегу реки и наблюдал, как трупы моих врагов проплывают мимо. Поэтому сегодня, если у меня и появляются враги, мне становится до боли жаль их, поскольку я понимаю, что они скоро умрут.

Лет через пять, когда наша семья переехала жить в поселок санатория «Юматово», мне довелось столкнуться с другим врачом-стоматологом. Звали его Михаил Романович Комаров. Михаил Романович не был моим врагом, он был другом отца, и они часто встречались на дружеских вечерах, удили вместе рыбу на Деме. Комаров был мне не страшен, поскольку слыл чудачком. Вот только одна история. Однажды он высадил в саду деревце яблони. Но ведь когда еще оно наберет силу и начнет плодоносить?! На это понадобится несколько лет. Комаров так долго ждать не мог. Он накопил в магазине огромных красных яблок и привязал их нитками к ветвям саженца. Жители нашего санаторского поселка были весьма удивлены, когда утром, идя на работу, обнаружили чудо. Не меньше других удивился яблокам тезка Михаила Романовича – космонавт Владимир Комаров, приехавший в санаторий «Юматово» выступать перед отдыхающими. Он никак не мог понять, почему яблоки, висящие на хилой яблоньке, называются комаровскими, и решил, что это новый сорт, выведенный селекционерами и названный в его честь. А восхищению малышни, помнится, вообще не было предела, поскольку не запрещалось залезать в сад и угощаться комаровскими яблоками. Они были настоящие и пахли жарким летом, их вкус запомнился на всю жизнь. После этой истории «комаровскими яблоками» жители нашего поселка стали называть любые неожиданно щедрые подарки...

Однажды случилось так, что мой передний молочный зуб, несмотря на то, что уже всю жизнь шатался, никак не хотел выпадать самостоятельно, в результате чего новый зуб начинал расти криво. Заботливый отец привел меня к своему другу-стоматологу. Комаров дружелюбно улыбнулся и спросил:

– И как тебя зовут?

– Салават, – тихо выдавил я.

– О! – обрадовался Комаров. – Да ты батыр – Салават Юлаев! Ну-ка открой рот, посмотрим, что там у тебя.

И тут он жестоко обломился. Может быть, впервые за всю карьеру зубного врача. Я-то ведь был не дурак и уже знал, что происходит, когда раскрываешь рот в зубном кабинете. Поэтому изо всех сил сжал челюсти и отрицательно покачал головой. Мол, нет, ни за что! И никакие уговоры на меня не действовали.

– На, прикуси вот эту железку, – сказал сконфуженный Комаров и протянул мне нечто, похожее на пинцет. – Я ничего не буду делать.

«Какой хитрый дяденька!» – подумал я. – Ага, щас! Я, значит, прикушу железку, а он нажмет на какой-нибудь рычажок, рот раскроется и...

– Никакой ты не Салават Юлаев, – пробубнил озадаченный Михаил Романович. – Ты – Пугачев!

Не помню, как в конечном итоге со мной справились. Кажется, отец пообещал купить мне машинку, и тогда все закончилось благополучно...

Космонавт Владимир Комаров погиб в апреле 1967 года – сторел заживо при посадке на Землю: просто не раскрылся парашют. А вслед за ним умер от рака гортани и его однофамилец – Михаил Романович. Увы, друзья тоже уходят...

Чтобы зубы не болели, их чистят зубной пастой. Эта процедура никогда не вызвала сомнения, пока я не познакомился с профессором физики Фейнманом. Познакомился, конечно, не в прямом смысле. Он давно умер, Фейнман, но остались его видеолекции, которые «ходят» в Интернете. И поскольку профессор до сих пор оказывает влияние на умы, можно ли говорить, что он умер? Умершим я его совсем не представляю. Более того, оказалось, что он похож на стоматолога Комарова, поскольку тоже слыл непревзойденным чудачком. Более других мне нравилась лекция Фейнмана о гравитации. Он так занятно рассказывал о физических законах, что его выступление было увлекательнее приключенческих романов, которыми я зачитывался в детстве.

Профессор Фейнман как-то заметил: «А где доказательства того, что чистка зубов хоть как-то спасает от кариеса? Посмотрите на мир с другой стороны!» И действительно, экспериментальные данные не подтверждали эффективность самого распространенного ритуала. Я и сам помню, как моя бывшая жена постоянно чистила зубы – утром и вечером, и даже днем, после еды. И результат был прямо противоположен ожидаемому: она каждый месяц бегала к стоматологу лечить больные зубы. Я же чистил зубы лишь по утрам, да и то далеко не каждый день, а к стоматологам-изуверам вообще предпочитал не ходить. Возможно, на этой почве мы с ней и разошлись. Или все-таки прав Ширяев, и проблема могла быть решена с помощью тупого секса?..

Мне тут же захотелось проверить гипотезу профессора Ширяева, которая грубо формулировалась так: здоровый человек не имеет сексуальных проблем. Из гипотезы вытекало следствие: здоровые зубы – результат регулярного секса. Как это проверить? Профессор Фейнман утверждает, что следствия гипотезы можно доказать или опровергнуть только экспериментально. Итак, мне нужен был эксперимент. А где ж его взять, когда я в разводе и давно смирился с неприхотливой холостяцкой жизнью?

Еще один профессор – профессор Штейнберг – приучил меня раскладывать исследование на множество лучиков с помощью солярной графики. Он считает, что восьмиконечная система координат, на которой располагаются направления эксперимента, дает возможность систематического анализа исследуемого явления, и я с ним полностью согласен. Только один момент в его методике меня раньше смущал. Профессор Штейнберг называл свои графики солярными, то есть похожими на солнце, но мне они напомнили знаменитую книгу Курта Воннегута – «Завтрак для чемпионов». Она была проиллюстрирована самим автором, и на одном из рисунков, была изображена задница – ну точная копия графиков Штейнберга! Возможно, так часто бывает: профессор старается что есть мочи, распинается перед аудиторией, пытаясь говорить о солнце. А кто-то из неблагодарных слушателей обязательно представляет себе задницу, особенно если болит зуб.

Однако позже я осознал, что в случайном, казалось бы, совпадении есть своя логика: фейнмановский призыв посмотреть на мир с другой стороны прекрасно иллюстрировался графикой Штейнберга, которая символично объединяла в себе два противоположных подхода – привычный взгляд с высоты Солнца и парадоксальный – через задницу. Кстати, если вы помните, профессор Лев Гумилев тоже считал, что рассматривать предмет исследования нужно и с высоты птичьего полета, и из мышиной норы. В своей практике я неоднократно убеждался, что проктологический метод Штейнберга работает надежно и безотказно. Благодаря профессору, я однажды изобрел новый литературный жанр, предполагающий короткие изречения, названные мною проктологизмами. Суть жанра заключалась в следующем: извест-

ная поговорка или распространенная цитата переписывалась строго наоборот, вследствие чего достигался довольно забавный эффект. Так, чеховское «краткость – сестра таланта» неожиданно прочитывалось как «талант – брат краткости». И еще для сравнения: был бы хомут, а шея найдется; где слезешь, там и сядешь; если гора идет к Магомету, то Магомет не идет к горе; две головы хорошо, но одной хватит; зуб неймет, да... Ну, не будем про зубы.

Если честно, и жизнь наша идет всегда по синусоиде между двумя крайностями: мы похожи на путешественников, которые сначала идут в гору до самого ее пика, а оттуда дорога ведет только вниз – к подножью или, может быть, даже к пропасти. В периоды подъема мы гении, а в периоды падений выглядим унылым говном. Профессор Джон Максвелл писал, что, даже находясь в полной заднице, нельзя забывать, что ты – гений, и нужно стараться обернуть неудачу себе во благо. Тут я бы добавил проктологическое следствие: даже находясь на вершине успеха, не забывай, откуда ты пришел...

Если мы живем в парадоксальном мире, можно ли его понять без парадоксального взгляда? Ответ понятен: разумеется, нет. Так вот, с зубами у меня, действительно, не все в порядке. Зубная боль – это моя маленькая война. Чтобы победить в ней, нужно разработать действенную стратегию и тактику.

Для начала я построил солярную графику Штейнберга и выделил восемь способов воздействия на больной зуб. Нет никакой надобности оговаривать каждый способ отдельно, поскольку семь из них – чистка зубов, употребление таблеток, прикладывание успокоительных средств, массаж активных точек, чтение заговоров, полоскание и самообман – никакого заметного облегчения не принесли. Оставалась надежда на гипотезу профессора Ширяева. И для подтверждения ее был необходим эксперимент.

По здравому рассуждению то, над чем я ломал голову, представлялось сущим бредом. Но ведь я был нездоров – зубная боль не оставляла меня и не давала заснуть. К тому же в процессе исследования я несколько увлекся полосканием десен алкоголем, отчего мой разум изрядно затуманился. «Так где же взять ночью объект для эксперимента?» – спрашивал я себя. И сам же себе отвечал: «Надо запустить в социальные сети любовный приворот».

У меня как раз имелась подходящая любжа, написанная несколько лет назад в качестве литературного упражнения. Тогда она, помнится, не сработала и не привела к ощутимым результатам. Но ведь чем черт не шутит, когда бог спит. Может, сработает сейчас? Я засел за Интернет и начал яростно набирать следующий текст:

*Матушка-муравушка, зеленая трава,
Топчет тебя ножками Божия раба,
Ходит-бродит мимо, в дальней стороне
Мыслями не мыслит дева обо мне.
Грусть-тоской зеленой голову клоня,
Поверни ей ножки резвы до меня.
У нее пусть в разуме я всегда-езде,
Где бы ни топталась, ни болталась где.
Пусть пьянит любовью горькая буза
Девицу-красавицу, зеленые глаза.
Аминь!*

Спустя некоторое время, прервавшись на очередное полоскание, я заметил, что давно интенсивно переписываюсь «в контакте» с некой «Sunny» и всю жалуюсь ей на жизнь, на проблемы, на зубную боль, пытаюсь вызвать сочувствие и сострадание. Конечно, это была под-

сознательная уловка, для того чтобы подцепить какую-нибудь сердобольную девушку, но она неожиданно сработала. «Хочешь, я позвоню тебе?» – написала мне незнакомка. Я отправил ей номер своего телефона, и – чудо! – раздался звонок: в два часа ночи далекая таинственная девушка позвонила мне. Я совсем не романтик по жизни, но в ту ночь мне было нужно хоть с кем-нибудь поговорить.

Не помню, о чем мы говорили, это было совсем не важно. Важнее было другое: у меня, измученного бессонницей, неожиданно появился искренний собеседник и тихий шелест голоса, льющегося из примитивного мобильного, возвращал в мой разорванный мир первобытную гармонию. Кажется, я говорил, что занимаюсь писательством и даже прочитал в трубку один из рассказов. Там был эпизод, когда герой сообщает, что если при знакомстве предложить женщине рукопожатие – нагло так, по-мужски, – то она сначала теряется, а потом все же пожимает руку, и в самый момент касания между вами начинают устанавливаться доверительные отношения. Это позабавило мою телефонную подругу. «Ты уделяешь слишком много внимания мелочам, – развеселилась она, – я бы не стала придавать значимость столь незначительным фактам». «Но ведь я писатель, – возразил я, – подмечать детали – моя профессия». Я продолжал вести коварную игру, зная, что слово «писатель» действует на женщин магически и вызывает волну интереса. «Хочешь, я приеду к тебе?» – внезапно спросила девушка, и зубная боль стрелой пронзила мозг, не давая возможности осмыслить последствия легкомысленного поступка. «Хочу...» – прошептал я, и наконец догадался поинтересоваться: – А как тебя зовут?» «Лиана», – последовал ответ, и в это мгновение мне представилась смуглая вьетнамка, обвивающая мою шею длинными тонкими руками посреди самой толщи джунглей...

Она приехала под утро, и я пошел ее встречать. Образ юной смуглянки быстро померк при виде пышных форм, ожидающих моего явления. Я чуть помедлил, посмеялся в душе над собой и улыбнулся высокой, на голову выше меня, блондинке. И она улыбнулась в ответ и с хитринкой в глазах первой протянула мне руку. Но я решил переиграть «искусительницу» и вместо рукопожатия обнял ее, уткнувшись лицом в мягкие вьющиеся локоны. Волосы пахли утренней свежестью и едва уловимым, почти забытым ароматом комаровских яблок, и сквозь них я разглядел рыжие лучи встающего на горизонте солнца.

Переступив порог моей холостяцкой квартиры, она осмотрелась и, кивнув на выдавшие виды диван, спросила:

– И многих женщин ты приводил сюда?

Странные существа – эти женщины. И весьма предсказуемы. Меня всегда удивляло: ну почему они все задают один и тот же вопрос? Выдержав паузу, я ответил:

– Хотелось бы сказать, что много, но вообще-то ты первая.

– И какая у нас будет программа? – поинтересовалась девушка.

«Дура, что ли, – подумал я, – тут зуб ноет невыносимо. Какая может быть программа?!» И, видимо, чтобы произвести неизгладимое впечатление, выпалил:

– Лиана, сначала я изнасилую тебя, а потом мы пойдем к зубному.

Казалось, девушка меня не услышала. Она никак не отреагировала на мою глупость.

– Не переживай, – поспешил я исправиться. – Я не приставучий. С тех пор, как я развелся, у меня никогда не было женщины. И вообще, я, наверное, давно дальтоник.

– Ты хочешь сказать «импотент»?

– Да какая разница, дальтоник или импотент, когда болят зубы?! – я начинал злиться.

– Я замужем, – призналась она. – Я бы хотела видеть в тебе надежного друга.

– И только?

Эксперимент проваливался, даже не начавшись, и зуб занял с новой силой. Я отвернулся, чтобы скрыть гримасу боли и разочарования.

– Я приехала помочь тебе, видишь ли, я практикующий экстрасенс, – сказала Лиана и обняла меня – обняла меня сзади, мягко прижавшись всем телом.

Я никогда не верил в экстрасенсов, считая их шарлатанами, но, странное дело, вместе с женским теплом пришло успокоение, и изматывающая боль постепенно стала отпускать. А когда уходит боль, возвращается способность мыслить разумно. Поэтому я попытался разобраться в том, что произошло. Мой неудавшийся эксперимент привел к парадоксальному – проктологическому – выводу: секс, увы, не имеет решающего значения для здоровья зубов, в противном случае дети и холостяки вроде меня ходили бы сплошь беззубые. Однако и верить в шаманов и экстрасенсов в XXI веке, по крайней мере, глупо! Первое, что пришло на ум, – эндорфины, вещества типа морфинов, образующиеся в нервной системе в моменты удовольствия и действующие как обезболивающее. Но эта версия меня не устроила: химическое объяснение вероятно, но не обязательно, да и не успел я получить никакого особого удовольствия от объятий Лианы. И тогда вспомнилась лекция профессора Ричарда Фейнмана. Эврика! Ну, конечно же, все дело в элементарной физике – в силе гравитации. Скорее всего, атомы тяжёлой на вид Лианы повлияли на мои и активизировали клеточные структуры. Так Солнце влияет на Землю, так Луна вызывает приливы и отливы. Так кошки лечат людей, ложась на больные места и массируя их лапками.

Это маленькое открытие вызвало во мне исследовательский зуд. За короткое время после описанных событий я собрал солидную библиотеку о взаимовлиянии тел и теперь знаю все о целебных свойствах обнимания и верю в то, что, в принципе, все люди являются друг для друга экстрасенсами. «Если подумать, то чем я хуже профессоров? – решил я внезапно. – Мои знания позволяют мне делиться опытом и быть полезным людям!» Поэтому я завел себе профессорскую мантию, и когда у меня хорошее настроение, а хорошим оно бывает часто, я надеваю ее, вешаю на шею табличку с надписью «Обнимаю бесплатно!» и иду на улицу. Моя задача – научить удивленных прохожих простым человеческим радостям. Такие дела.

Вы наверняка спросите: «А что было дальше с Лианой?» Дальше ничего не было. Она ушла. Я ж говорил вам, что друзья, к сожалению, тоже уходят... А с профессором Ширяевым я однажды встретился и даже выпил с ним чашечку чая в недорогом кафе. Глядя на его ровные керамические зубы, я думал: «Да что он может понимать в человеческих отношениях?» Ширяев по-прежнему был чуточку пьян и загадочно грустен, долго и внимательно вглядывался в меня, а на прощание выдал как бы невзначай: «Вот видишь, стоило мне посетить тебя лишь раз, и с тобой уже все в порядке!»

Любовь 24 часа

Ольга сказала: «Там тебе будет хорошо, там тебе понравится, там круто!»

Я собирался лететь в Питер, чтобы провести неожиданно выданный отпуск в поисках вдохновения, покоя и умиротворения. Меня ничуть не интересовали музеи, выставки и театры культурной столицы – обычные туристические маршруты редко когда трогают душу и не могут взволновать сердце, – я желал других впечатлений и имел маленькую блажь – насладиться неспешными прогулками по аллеям Летнего сада, поразмышлять-пофилософствовать о странностях жизни, посидеть в тени лип и кленов и упорядочить мысли в тетрадке, которую заранее приготовил. А если будет так, что умных мыслей не случится, – то просто почитать книжку любимого автора, которому всецело доверяешь. Или наснимать на Nikon питерских видов, дабы было что показать потом друзьям и знакомым. О чем еще мечтать терапевту ялтинской клиники, не имеющему покоя ни днем, ни ночью, вертящемуся на дежурствах двадцать четыре часа в сутки? Ну, или около того: если я и привираю иногда, то совсем немного.

Ольга сказала: «Антон, тебе уже сорок, и плешь начинает просвечивать, а ты не в состоянии сам собраться. Все я за тебя должна решать. Я тебе не мамка, не жена, смотри сюда!»

Мы сидим за компом, и я улыбаюсь, рассматривая электронную карту Санкт-Петербурга. Люблю, когда Ольга ругается. Безобидная «собачья» ворчливость ее почему-то импонирует мне, и я чувствую, как по сосудам растекается горячая нежность, постепенно заполняя сердце, отчего оно начинает волноваться и биться все сильнее и сильнее. Она искренне заботится обо мне и порой умеет внушить прописные истины настолько убедительно, что они представляются божественным откровением. Да, именно так: искренность и истина – они всегда рядом, они не могут быть врозь. Это положение кажется бесспорной аксиомой, которая, как известно, не требует доказательств. Когда сердце вконец переполняется нежностью, ловлю себя на мысли, что начинаю влюбляться. Увы, и доктора не могут обходиться без глупостей. «Глупости, глупости...» – холодный разум спешит загасить неосторожные чувства.

Ольга мне откровенно завидует: она сама бредит Питером и мечтает там жить. Всегда. То есть постоянно.

– Я забронировала тебе модный хостел на Лиговском проспекте, – говорит она. – Это самый центр, где останавливается творческая молодежь со всего мира – музыканты, художники, писатели...

– Ничего, что я немножко не молодежь?

Она бросает на меня резкий взгляд и насмешливо прищуривается: не любит, когда ее перебивают.

– Не дрейфь, Антониони! Если что, подтянешь животик и сбреешь дурацкую рыжую бородку.

– Угу, – киваю, – подтянусь и побреюсь.

– Запомни, там никому до тебя нет дела, поэтому не комплексуй и веди себя естественно. Я сама останавливалась пару раз в этом хостеле. Помню, иду утром умываться в одной ночнушке, а навстречу из душа китаец полуголый, в шортах. Он мне «монинг», и я ему «монинг», – и дальше себе шлепаем, будто так и надо...

С Ольгой мы снимаем квартиру на двоих. Все плюсы и минусы такого сожительства я давно оценил и решил, что плюсов больше, да и привык к собаке – так я ее называю в хорошем расположении духа. Она работает медсестрой в нашем «гадюшнике», как именуют клинику «благодарные» выздоравливающие. Когда я познакомился с Ольгой, ей было двадцать восемь. Она пахла счастливым детством и маминым яблочным вареньем. Сначала мы перекусывали вместе на работе между делом, как принято, – бутерброды, чай, кофе, – а потом всерьез увлеклись общепитом: она вдруг стала готовить в расчете на меня и порой притаскивала на обед

такие умопомрачительные яства, что я был не прочь немедленно на ней жениться. Я, однако, тоже не лыком шит и чтоб в грязь лицом – да никогда! Мне всегда нравилось готовить что-нибудь вкусненькое, если было для кого. Для себя обычно сваришь супчик или поджаришь котлетку по-быстрому, то есть как бог на душу положит, – а вот если представить, что твое блюдо будет тестировать симпатичный тебе человек или даже, к примеру, собака, то вдохновение приходит моментально и подключаются неизвестно откуда берущиеся кулинарные таланты. В общем, так продолжалось довольно длительное время, пока однажды мы не решили, что наши зарплаты настолько скромны, что снимать две квартиры, когда можно обойтись одной, не только неразумно, но и непростительное расточительство. И втайне от коллег съехались в однокомнатной хрущевке на...

– Антоний, ты меня слушаешь?

– Да, моя собака, весь внимание...

– Ты прилетаешь 13-го сентября утром, а вечером в «Молодежке» спектакль Спивака. Это сейчас самый модный театр. Запомни: ни в какой другой – только в «Молодежку»!..

Известно, что женщины без мужчин блекнут, а мужчины без женщин глупеют. Вот и я в результате совместного ведения хозяйства не только не поглупел, но и стал собраннее, организованнее, что ли, и если не умнее, то рассудительнее. Ольга этого упорно не замечает, она настоящая женщина, и ей нравится возиться со мной как с ребенком. Я даже влюбился было в нее, но она заявила, что никогда не выйдет замуж за нищего врача, и предложила остаться другом. Печалька! Я любил многих женщин, любили и меня, но счастья взаимной любви испытать так и не довелось, поэтому перестал сопротивляться судьбе и весь отдался врачебной практике. Медицина – моя законная жена, и никаких любовниц!

Я бы мог и соврать. И сказать, что жили мы с Ольгой как брат и сестра. Но я врать не буду: да, мы действительно жили как брат и сестра, только временами оказывались в одной постели. Ничего не поделаешь, животная природа и молодость все равно берут свое. Нет, я, конечно, встречал мужчин, равнодушных к женскому полу, но они были больными. С патологическими отклонениями. Как доктор вам говорю.

– Побывать в Питере и не пойти в театр – это преступление. Билет я тебе забронировала, не забудь выкупить... – Ольга недовольно взглянула на мою задумчивую рожу: – Ку-ку! Ты здесь, Антонио, или уже летишь?

Я лечу, хотя летать самолетами глупо: они падают, их взрывают террористы и сбивают военные. Но еще глупее смотреть телевизор, откуда я и черпаю жуткую информацию – сплошной негатив. Телевизор у нас дома вместо фона и почти никогда не выключается. Накануне весь вечер гундела передача «Давай поженимся», и Василиса на весь экран, мило так улыбаясь: «Близнецы, завтра, 13 сентября, держитесь подальше от технических средств, если у вас назначена поездка, лучше отложите ее». Я прям чуть не описался. Как это – отложите? У меня билет невозвратный. Где я потом денег возьму на другой? Разве можно говорить такое человеку перед полетом, – тому, кто летает максимум раз в полтора года?! Астролог хренов!

А по дороге в аэропорт смотрю – авария: три иномарки догнали друг друга, одна вообще перевернулась, и люди валяются возле столба. «Неплохо так день начинается», – думаю мрачно. Когда на регистрации выдавали посадочные талоны, взял без всякой надежды. Не удивился бы, если б место оказалось тринадцатым, но выпала «девятка». Порой мы играем в странные игры.

Вопреки прогнозам, полет оказался чудесным. Я сидел у окна и при виде фантастических красок залитого солнцем горизонта и причудливых гористых пейзажей, образуемых пронзительно белыми облаками, тревожное настроение быстро сменилось беспечной мечтательностью. Когда пошли на посадку, на какое-то время самолет очутился в своеобразном коридоре

среди облаков: внизу они были тяжелые, густые, а верхние, менее плотные, казались их зеркальным отражением. И какое-то время полет длился в бесконечном, ярком и чистом пространстве между реальностью и ее легкомысленной копией.

«Прилетишь и первым делом – в хостел. Заселение обычно в час, но мне пообещали, что если комната будет свободна, то тебя заселят раньше», – сказала Ольга. Я был склонен верить ей.

Хостел находился во дворах на Лиговском, и вряд ли бы я его нашел, если б не схема, начерченная заботливой рукой. Снаружи здание выглядело ужасно, словно оставалось без ремонта с самой блокады. В советское время, похоже, в нем размещалось какое-то производство, а сейчас его приспособили под спальные места для непривередливых путешественников. С трудом отыскав вход, я оказался в просторном полуподвальном помещении.

В этот момент мне захотелось, чтоб заиграла тихая музыка. Инди-поп был бы совершенно в тему. К примеру, «An Easy Life» Broken Bells. Там есть одна строчка – «when I can't get settled down». Яндекс переводит ее как «когда я не могу получить поселились», гугл – «когда я не могу устроиться вниз», а рамблер – «когда я не могу разобраться вниз». Короче, пока в голове играла музыка, я пребывал в некоторой растерянности и никак не мог «разобраться вниз». То, что я увидел, политики называют «управляемый хаос»: в огромной комнате в произвольном порядке были разбросаны новенькие кожаные диваны и выдавшие виды потертые театральные кресла, рядом с ними огромные деревянные катушки для кабелей, чуть подкрашенные, с вылезшими гвоздями, изображали импровизированные столы, по углам торчали уродливые манекены, посреди комнаты находилось нечто, напоминающее барную стойку, с кофейным аппаратом и чайником. Описание можно было бы продолжить, но и так понятно, что креативщики здесь поработали на славу. Люди в помещении тоже были. Одни, за баром, готовили себе завтрак, другие, за столиками, о чем-то не торопясь беседовали, третьи просто валялись на диванах. Никому до меня не было дела.

– Где здесь рецепшен? – спросил я парня в потертых кроссовках, мечтательно задравшего ноги на спинку дивана.

Тот вскочил, спешно протирая глаза, и, состроив серьезное лицо, невозмутимо ответил:

– Здесь. Рецепшен – это я.

Я решил ничему не удивляться. Так и так, говорю, мне забронировали у вас номер, хотелось бы заселиться. Парень задумчиво почесал в затылке:

– А вы могли бы подождать с часик. Придет Настя и разберется, я здесь новенький и ничего не знаю.

– Хорошо, – говорю, – я никуда не тороплюсь. Можно у вас хотя бы чаю попить?

– Да, конечно. Заварка, сахар, кипяток – все в вашем распоряжении.

Заварив пакетик «Липтона», я устроился в потертом кресле рядом с огромным зеркалом, прислоненным к бетонной колонне. В него можно было ненавязчиво наблюдать за обитателями полуподвала – парнями и девушками, явно творческого склада. «Скорее всего – музыканты и художники», – подумал я, вглядываясь в их нелепые прически, манеру одеваться и представленные к стенам гитары. Лица – симпатичные и приветливые. Разговоры – о выставках и выступлениях. Несмотря на то, что молодежь располагалась небольшими островками в разных углах, создалось впечатление, что все они знакомы друг с другом.

«Художники – самые беззащитные особи в животном мире, – подумалось мне, – они не носят камуфляжа. Чтобы выжить в диком мире, нужно приспособиться под него, слиться с его фоном, с рельефом, а они яркие, беззащитны и, пока юны, не ведают страха». По сравнению с ними я одет неприметно и ничем особо не выделяюсь из уличной толпы, я в своеобразном камуфляже и чувствую себя защищенным. Но здесь, в подвале, все по-другому: обыденная

серость и неприметность не свойственна среде ярких индивидуальностей, и мне становится не совсем уютно. На меня оглядываются, на меня обращают внимание. Это все равно что белому зайти в бар для черных.

Все же нахожу в себе мужество, чтоб не сбежать, спешно глотнув кипятку, и продолжаю изучать жизнь утреннего хостела, как доктор наблюдает за пациентами. Любопытство не порок, а способ скрасить одиночество.

– Здрасьте!

Вздрагиваю от неожиданности: напротив меня подсаживается плотненький парнишка в очках и тут же ставит на стол-катушку ноутбук нехилых, прямо скажем, размеров. Не лень таскать такое?

– Здравствуйте!

Глупо пялюсь на лохматые, выкрашенные рыжим волосы моего визави. Рыжие у рыжих вызывают симпатию – киваю ему дружелюбно. Где-то я его уже видел. Ну да, конечно, это же Элтон Джон! А вот если он сейчас вытаращит глаза и улыбнется во все свои 24 зуба – то вылитый Тим Минчин. Хотя больше похож на откормленного кота. Я когда-то мечтал завести себе толстого рыжего кота и назвать его Тим. Или даже по-китайски или по-корейски – Тим Мин Чин.

Я радуюсь возможности пообщаться, но вдруг понимаю, что беседы не будет, поскольку ноутбук моментально распахивается, огромные металлического цвета наушники взлетают на голову и, захлопнувшись на ушах, отрезают барабанные перепонки рыжего от внешнего мира. Быстрые пальчики начинают наигрывать на клавиатуре тихую мелодию, взгляд упирается в экран и становится неподвижным – все, человека больше нет, какое-то время рядом со мной будет находиться растение, фикус или кактус, его можно полить, неосторожно пораниться об его колючки, можно даже поговорить с ним, как говорят, например, с котом или собакой, вовсе не рассчитывая на ответ, – просто так, для самого себя, чтобы не испытывать одиночества.

Но к черту рыжего, поскольку, пока он отвлекал мое внимание, в вероятностном пространстве хостела появилась некая величина X. Я давно заметил, что есть люди, при появлении которых наивное математическое ожидание не срабатывает и происходит чудо. Так и сейчас: вошла женщина двадцати – двадцати двух лет, и выдавшие виды театральные люстры вспыхнули ярким светом, древние механические часы на стене удивленно вздохнули, стрелки задергались – и время, кажется, пошло быстрее, завертелось-закружилось на поблекшем было циферблате, а манекены, включая рыжего за компьютером, повернули головы в ее сторону и сказали: «Ах!». Ах как она была прекрасна в черном коктейльном платье, совсем не уместном в утреннем подвале питерского гадюшника, – белокура, женственна и сексуальна – как Кэмерон Диаз периода «Маски»!

Дыша духами и туманами, девушка пролетела мимо нас с Тимом и очаровала окончательно и бесповоротно – свежесть и обаятельная улыбка не могут не смутить зачерствелую провинциальную душу. И, разумеется, запах женщины. Для меня он исключительно важен. Часто бывает, гуляешь по улице и видишь, идет тебе навстречу красивая девушка, а подходишь ближе – и вдруг от нее пахнет, скажем, сливами, и думаешь: «Фу, что за уродина?», а она тоже тебе в спину презрительно: «Каз-зел!» А бывает, что и неидеальная вовсе девушка, а тебе нравится. Потому что запах твой, и тебе кажется, что ты ее абсолютно понимаешь.

Увы, улыбка Кэмерон предназначалась не мне и не рыжему, она улыбалась высокому черноволосому арабу, безмятежно развалившемуся за соседним столиком. Скинув туфли и взобравшись с ногами на диван, она весело заговорила с ним, и он отвечал ей по-русски – на хорошем русском, и это удивительно, поскольку иностранцы русский, как правило, не учат, привыкнув к тому, что наша молодежь довольно уверенно щебечет по-английски. Вот рыжий, например...

«Только рыжий может называть рыжего рыжим...» – запело в телефоне, и я поспешно поднес мобильник к уху.

– Привет, Антоша! Ты как? Устроился? – это была Ольга.

– Привет, собака. Все прекрасно, – ласково соврал я.

– Чем занимаешься?

– Пью чай в холле.

– Умница! Только прекрати пялиться на бабу!

– С чего ты взяла? Собачке захотелось потявкать?

Я поразился Ольгиной прозорливости. Уж не следит ли она за мной? И даже пошарил глазами под потолком в поисках видеокамеры.

– Антуан, я тебя умоляю, смотри, не заведи новую соседку.

– А-а-а, я все понял. Мы играем в ревность?

– Нет, мы играем в истину и искренность. Не забудь про театр, – Ольга отключилась.

Странные существа – эти женщины. Чем больше живу, тем меньше их понимаю: и сама не дам и другому не дам. Собака, одним словом, – собака на сене. Вон же Кэмерон флиртует в открытую с арабом, и ничего, чувствует себя превосходно. А тот отвечает ей что-то самодовольно, и улыбается широко, и делает знаки друзьям за угловыми столиками – вроде, они тоже арабы, расселись почему-то равнобедренным треугольником, хорошо, что мы с рыжим находимся вне его, в стороне от сферы влияния чужеземной триады.

Арабы, по моим представлениям, должны быть похожи на Фредди Меркури, но тот, что с девушкой, напоминает скорее Барака Обаму – такой же высокий, самоуверенный, с кривой обезьяньей улыбкой. А двое других – вылитые таджики, только одеты побогаче. Один худой, длинноносый, как Буратино, и безобразно лохматый, а второй – лысый толстяк, с круглым, в картошку, носом и вытаращенными глазами – настоящий Карабас Барабас.

Неожиданные сравнения развеселили, и незаметно для себя разулыбался, пока не почувствовал цепкие настороженные взгляды из треугольника, направленные в мою сторону. Они не то чтобы были недовольны, нет, парни, видимо, были удивлены бесцеремонностью утреннего гостя. Чтобы разрядить ситуацию, я приподнял чашку и, пожелав здоровья компании, отпил чаю, а затем направился к рецепшену, где уже суетилась невысокая смуглая девушка.

– Здравствуйте! Вы Настя? – спросил я.

Ответ был омерзительно холоден:

– Что вам нужно?

– Мне бы заселиться, номер был забронирован...

– Заселение в час.

– Но когда мы звонили вам, мне сказали...

– Заселение в час, в час и приходите, – отрезала она и не пожелала ничего слушать.

Растерянно потоптавшись на месте, я пожал плечами и хотел было уйти, когда мимо меня дружной толпой прошли арабы с девушками. «Как же легко наши девчонки отдаются богатым иностранцам», – возникла противная мысль, но я постарался ее отогнать. Мало ли что. Может, приехали студенты по обмену, и девчонки обязаны их курировать. Тут мой взгляд упал на покинутый столик, и я заметил на нем оставленный по невнимательности кожаный бумажник-портмоне – толстый такой, в нем, наверняка, деньги и даже документы. Недолго думая, хватаю бумажник и на улице нагоняю Фредди с Кэмерон:

– Вы забыли, – говорю, протягивая чужую вещь.

Фредди какое-то время стоит в недоумении, а потом до него доходит смысл происходящего. Он благодарит с восточным жаром, и Кэмерон улыбается мне.

– Анвар, – говорит араб, протягивая руку в знак знакомства.

– А я Камила, – улыбается девушка.

И я улыбаюсь, а настроение где-то на седьмом небе, и плевать, что заселиться так и не удалось. Куда мне торопиться? Раскланявшись с новыми знакомыми, неспешно бреду по Лиговке к Невскому проспекту. На душе спокойствие, блаженство и любовь ко всему живому.

«Любовь 24 часа», – читаю на столбе объявление, пахнущее свежим клеем. «Как же это здорово, если твоя жизнь с утра и до утра наполнена любовью!» – думаю я. А когда я о чем-либо глубоко задумываюсь, то мое любимое занятие – бродить по городу, рассматривая асфальт у себя под ногами. Но сегодня тротуар выглядит необычно, он совсем не такой, как у нас в Ялте. На нем много-много белых трафаретиков с именами девушек и телефонами. И пока иду до Невского, а с Невского по набережной Фонтанки до Летнего сада, я читаю женские имена и фотографирую трафареты как незатейливую символику современного города вечной любви. Неважно, что думают при этом многочисленные прохожие, в толпе я свой и практически незаметен. К тому же у меня прямо-таки крошечный Nikon – как-то знакомый фотограф объяснил мне по-дружески, что если не собираешься снимать профессионально в надежде заработать состояние щелканьем затвора, то дорогой аппарат абсолютно не нужен, достаточно «Никона» за 3000 рублей. Я привык доверять профессионалам и часто следую их советам.

Возле Чижика-Пыжика осознаю, что коллекция получается любопытной и внушительной, достойной выставок мирового класса, хотя и понимаю, что она будет далеко не полной, поскольку у меня нет цели обойти все питерские улочки. Тем не менее, вот каким долгим оказался мой путь до Летнего сада:

Аврора +7 901 31022 – Агата +7 953 30785 – Агния +7 952 80911 – Аделия +7 931 15212 – Адель +7 921 83364 – Александра +7 921 30474 – Аленка +7 911 51579 – Алеся +7 921 36820 – Алина +7 911 76196 – Алиса +7 921 69275 – Алла +7 921 41672 – Алсу +7 921 19590 – Альбина +7 963 28499 – Амина +7 921 30474 – Анастасия +7 921 24096 – Ангелина +7 921 25174 – Анечка +7 921 83364 – Анжела +7 931 53470 – Анжелика +7 981 16059 – Анита +7 960 38924 – Анна +7 931 23381 – Антонина +7 981 16063 – Анфиса +7 921 36820 – Анюта +7 911 06764 – Аня +7 921 24230 – Арина +7 921 88723 – Арина +7 921 34579 – Арина +7 953 29263 – Ася +7 921 89036 – Белла +7 921 19590 – Бьянка +7 911 30393 – Валентина +7 921 02467 – Валерия +7 911 87694 – Валя +7 981 16010 – Варенька +7 921 34519 – Василиса +7 921 63039 – Вера +7 981 31114 – Вероника +7 981 35819 – Верунчик +7 911 41457 – Викуся +7 921 34538 – Виолетта +7 921 69275 – Влада +7 901 31022 – Галина +7 951 30530 – Дайна +7 921 34021 – Дана +7 904 82969 – Дарина +7 921 22302 – Дарина +7 931 05052 – Дарья +7 921 24095 – Даша +7 931 75066 – Девственница +7 931 24198 – Джесика +7 911 33876 – Диана +7 921 54806 – Дина +7 921 54291 – Динара +7 812 29336 – Ева +7 960 39158 – Евгения +7 911 54431 – Екатерина +7 921 83364 – Елена +7 921 41672 – Жанна +7 904 17552 – Жанна +7 951 23691 – Женечка +7 911 74198 – Женя +7 921 75132 – Зина +7 921 30474 – Злата +7 931 16338 – Изабелла +7 921 19590 – Изольда +7 921 22302 – Илона +7 921 34587 – Инара +7 921 34021 – Инга +7 905 78606 – Инга +7 921 22302 – Инна +7 931 16338 – Ира +7 904 18259 – Ирина +7 921 63361 – Иршика +7 981 98345 – Ирма +7 921 50496 – Ирочка +7 921 54257 – Канг Сул Хи +7 931 40858 – Карина +7 911 87694 – Карина +7 921 27930 – Кармен +7 921 24207 – Каролина +7 931 16338 – Катя +7 921 24230 – Кизлар +7 929 49069 – Кира +7 921 89399 – Кисули +7 921 63027 – Конфетки +7 921 34795 – Кристина +7 921 63361 – Ксюша +7 921 34572 – Куколка +7 921 73817 – Лада +7 921 64096 – Лана +7 911 47924 – Лара +7 911 70682 – Лариса +7 911 11781 – Лейла +7 901 31022 – Леонида +7 921 11980 – Ли Кин Тэ +7 921 73930 – Лиана +7 965 60981 – Лидушка +7 921 24098 – Лиза +7 921 16554 – Лизавета +7 981 98357 – Лика +7 981 35821 – Лиля +7 921 54789 – Линда +7 921 34792 – Лия +7 911 75946 – Лола +7 911 23600 – Лолита +7 952 03914 – Лора +7 931 17124 – Люба +7 911 14649 – Любаня +7 921 24095 – Люда +7 921 28845 – Люси +7 981 16063 – Люся +7 921 41672 – Ляля +7 911 33876 – Магда

+7 921 08551 – Мадина +7 921 91980 – Мадлен +7 921 29336 – Маргарита +7 981 96333 – Марго +7 911 94058 – Марина +7 921 85269 – Маришка +7 921 34732 – Мария +7 931 38943 – Мария +7 981 70169 – Марта +7 921 65894 – Марьяна +7 921 75132 – Машиа +7 921 99086 – Машенька +7 921 31840 – Мая +7 911 23560 – Мила +7 921 22302 – Милена +7 921 24207 – Мира +7 929 49069 – Мия +7 911 29788 – Мльвина +7 921 22302 – Моника +7 901 68702 – Надя +7 921 62037 – Настенька +7 921 69205 – Настя +7 921 30722 – Натали +7 931 82174 – Наталия +7 931 84662 – Наташа +7 963 86074 – Неля +7 904 17635 – Нет опыта +7 929 49069 – Ника +7 921 85417 – Нина +7 921 83364 – Нонна +7 981 78357 – Озорницы +7 981 16010 – Оксана +7 931 75066 – Олеся +7 911 87694 – Оливия +7 981 22759 – Ольга +7 981 23141 – Ольчик +7 904 16097 – Олюшка +7 911 16770 – Оля +7 911 70682 – Полина +7 921 27960 – Поля +7 921 63039 – Рада +7 911 33876 – Рада +7 921 11980 – Римма +7 921 16547 – Ритуля +7 921 53899 – Рияна +7 921 30474 – Роза +7 981 71974 – Розовый ангел +7 921 73817 – Руслана +7 904 15368 – Сабрина +7 921 29336 – Сагдияна +7 921 10887 – Саманта +7 931 01694 – Самира +7 921 19590 – Сандра +7 981 96333 – Саиша +7 921 24130 – Саишка +7 921 62746 – Света +7 921 53890 – Светочка +7 921 63295 – Селена +7 921 10887 – Слава +7 931 01694 – Снежанна +7 963 6800 – Сонечка +7 905 19663 – Соня +7 921 31875 – Софи +7 921 29336 – Софья +7 911 87694 – Стася +7 921 62746 – Стелла +7 981 76437 – Сусанна +7 921 91980 – Тамара +7 981 22759 – Тамила +7 901 68702 – Танюша +7 931 16432 – Тая +7 921 30722 – Тина +7 931 84662 – Тома +7 951 25254 – Тоня +7 921 34630 – Тусик +7 951 24001 – Ульяна +7 921 31875 – Услава +7 921 30474 – Фаина +7 981 22759 – Феи Вошебницы +7 921 67335 – Шалуны +7 981 35819 – Шурочка +7 904 15297 – Эвелина +7 981 47277 – Элис +7 921 30474 – Элла +7 931 15211 – Эллада +7 921 88732 – Эля +7 921 64096 – Эмма +7 921 29231 – Юлия +7 965 65578 – Юля +7 981 35819 – Юный ангел +7 931 24198 – Яна +7 931 15212.

Конечно, я не запомнил, в каком порядке шли имена, поэтому расположил их по алфавиту, но путь от пункта «А» до пункта «Я» оказался примерно таким. А у входа в сад меня ждал сюрприз. Когда совсем осточертело фотографировать трафаретики, я поднял голову и, оторвавшись от «Никона», увидел на воротах наклеенный оранжевый листочек. «Камила», – было напечатано на нем крупными черными буквами, чуть ниже, справа, находилось изображение сердечка, в центре сердечка – надпись «24 часа», слева – силуэт лежащей на животе женщины, ноги были согнуты в коленях так, что туфли на длинных шпильках смотрели вверх, а у самых туфель, на разведенных подобно лезвиям ножниц ногах, болтались трусики. Я бы не стал вообще обращать ваше внимание на такую пикантную деталь, если б она не потребовалась для дальнейшего повествования. Она всплывет потом в нужном месте и в нужное время. Но тогда-то я еще об этом не знал. Сорвав листочек и вклеив его в тетрадку для коллекции, я вошел, наконец, в Летний сад.

Конечно, мне было неприятно, что имя милой девушки из хостела красовалось среди телефонных «мамзелей», но дурные мысли быстро улетучились, как только я дошел до статуи. Я вспомнил, как в детстве приезжал в Ленинград и мы с мамой часами гуляли здесь в тени величественных аллей, где в душистой тиши между царственных лип мне мачт корабельных мерещился скрип; мы слушали поэтов, забредавших почитать непонятные для моего юного ума строчки, однако искренность и неподкупная истина окрыляли, и образ летнесадовской поэзии навсегда впечатался в сердце. «А сегодня? Что я чувствую сегодня?» – спрашиваю себя. И сегодня ощущаю в душе покой и гармонию. И все, казалось бы, прекрасно, только поэты уже ушли, и статуи меня не узнали. Печалька, как говорит моя Ольга.

Я достаю дешевенький Nikon и начинаю новую серию снимков: Амур и Психея – Нимфа Летнего сада – Герцог Бранденбургский – Нерон – Похищение сабинянки – Юность... Всего 148 кадров. И, конечно, фонтаны! Утомившись, присаживаюсь на скамейке у одного из них –

рядом с аллегориями искренности и истины. К фонтану то и дело подходят туристы, парами и небольшими группами, и бесконечно фотографируются. Я наблюдаю за ними из своего уголка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.